

Елена Пестерева

В мелких подробностях

Елена Пестерева

В мелких подробностях

Москва

«Воймега»

2018

УДК 821.161.1-1 Пестерева
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
П27

Е. Пестерева

П27 В мелких подробностях / Елена Пестерева. – М.: Воймега,
2018. – 80 с.

ISBN 978-5-6040915-6-2

ISBN 978-5-6040915-6-2

© Е. Пестерева, текст; 2018
© «Воймега»; 2018

камень

tristia

бумага

* * *

потому что июнь и положено есть абрикосы
даже если не очень купи полкило или больше
потому что спасибо не надо да ладно оставьте
только мягких которые можно одними губами
и колючие косточки эти шершавая кожа
остаётся на нёбе

потому что жасмин осыпается прямо в букете
не доехав до дому недолго но ветер поднялся
потому что анапестов сладких себе ещё сотню-другую
только в следующий раз потрудись начинать их со чтобы

потому что ещё будет столько тебе и не снилось
потому что ты счастлив и трусишь сознаться сознайся

* * *

какой волшебной жизнью жили
читали книжку про Луну
пекли коврижку полог шили
где рыбы круглые по дну
сидели птички-невелички
карниза ниже выше глаз
и амадины ли синички
малиновки будили нас
и звонко тренькала посуда
вся в розовом луче насквозь
когда рассеянное утро
в невероятный раз сбылось
как сладко плакалось и пелось
во сне спросонья перед сном
как будто милостивый мелос
орфей с морфеем вносят в дом

* * *

баловала нянчила на руках
ничего не выйдет знала наверняка
пробиралась краем ждала пока
всю округу набело замело
это счастье и раньше как на века
но потом прошло

няньку еле слушается рука
или дело неслуха баловника
вырастать и ходу отсель пока
не отняли дурость добро ребро
убегая с лёгкостью молока
но потом пришло

так идут во внутренние поля
и следят ни пальцем не шевеля
что за сила стягивает края
сдвигая плоть с четырёх сторон
чтоб пангея ульtima всеземля
с четырёх сторон

* * *

Вот снег ложится вдоль стволов
И между веток.
Ты видишь головы волов
В смежённых веках:
Ты только что о них читал.

Тебе приснится
Воды солёный грозный вал,
Чтоб опресниться,
Прошедший ряд метаморфоз,

Морфаны, фавны,
Не принимающий всерьёз
Угрозы Павел,

Волы и их большие лбы,
Глаза воловы,
И звук осёкшейся мольбы
На полуслове,

И уплывающий узор
Прозрачных мошек...
Снег успокоится, твой сон
Не потревожив.

* * *

Усни теперь, покуда не болит,
Попробуешь руками – нет, не больно.
Приснится голубое небо ли,
Ли луг, ли водоём, ли лес, ли поле.

Усни теперь, свернувшись колесом,
Калачиком, колечком, поросёнком.
Невыносимо чувствовать сквозь сон,
Невыносимо чувствовать спросонок,

Как вдоль спины отправлены гонцы
До темени, до пяток, до лопаток,
Как боль, проснувшись ранее, чем ты,
Морфееву простреливает вату

И колется подушкой пуховой.
И катишься, как яблоко слепое,
Как пушечное ядрышко, авось
Где хрустнешь и покинешь поле боя.

* * *

Вот мы ложимся спать, как пара чайных ложек,
Короткую кровать деля наискосок.
Горячим уюгом и солнцем пахнет кожа,
Постиранным пером – затылок и висок.

Сусальный ангелок меня за палец держит,
Истаивает день, кончается завод.
Построили редут отряды войск потешных,
Построили редут – и нет иных забот.

Мешаются в одно «эзопов» и «эдипов»,
Тревожат и смешат, и слышишь наконец:
Зефирный мальчик спит и хмурится сердито,
Подобие моё, мой слепок, мой близнец.

* * *

не спи не спи дружок
тебе давно пора
пастушечий рожок
уходит со двора

туда где цепи гор
слоятся в синеве
и насекомый хор
в траве и голове

где сладкая вода
и рыба через край
без всякого труда
живи не умирай

и песенка проста
и песенке конец
и слёзы в три ручья
и девочка ничья

* * *

Даже глаз не откроешь, проснувшись.
Будешь слушать в рассветной тоске,
Как гремят и грохочут снаружи
Разным мусором в грузовике.

Всё не нужно, не важно, не страшно,
Если правда потом умирать.
Сколько ж в людях отваги бумажной,
Чтобы мусор пойти убирать.

Там, наверное, небо сереет.
Ничего не видать из-под век.
Это первое тонкое время,
И его не хватает на всех.

* * *

Дожить до осени. Дожить до снега.
Потом ещё полгода прожить.
Какое ослепительное небо.
Какие дорогие миражи.

Какая суета нас отвлекала,
А нынче стала песенка легка.
Изящные, как школьные лекала,
Пересекают небо облака.

Стоишь и думаешь одно своё: «Пустое», –
И если что и стоило труда,
Так видеть это небо золотое
И облака, которые всегда.

* * *

то следишь за кочующим паром
то соседу ссудишь два рубля
то прощальный читаешь подарок
заполняя пустые поля

то придут сухие татары
то гроза приведёт барабан
то всплывает луна над амбаром
то арба караван эривань

то пройдёшь через сад по дорожке
то во сне понарошку умрёшь
то займётся рассвет понемножку
то прощальный подарок прочтёшь

* * *

как хорошо что всех вас больше нет
как хорошо что вас уже не слышно
что вроде был да затерялся след
и шшел был но вероятно вышел

мои непоправимые друзья
какое счастье ничего не помнить
как сладок лёгкий запах забытья
и тёмный мир и неподъёмный полог

* * *

и жизнь пойдёт теперь не о тебе
а вся снаружи о себе самой
и речь пойдёт теперь не о тебе
о бабочке и мышке полевой
о перестуке пуговиц в коробке
о том что день становится коротким
о том что не трудись запоминать
и это повторится и опять

уже пришли и сели и легли
и даже рассказали о себе
и после позабыли и ушли
как хорошо теперь не о тебе
о всяких пустяках и мёртвых людях
добро их много и ещё придёт
теперь уже не отводить глаза
и не бояться не успеть сказать

* * *

так стало быть ещё покружим
ещё покрутим головой
на этой солнечной игрушке
на неваляшке голубой

стоят прижавшиеся тесно
жених с невестой с животом
сваты и девери и тесты
и пятиюродных битком

и эти слёзы беспричинны
и эти клятвы горячи
покуда смерть не различит нас
покуда смерть не различит

Анна

У папы были тёмные радужки.
Мы жили с ним плохо, темно и страшно,
потом переехали к нашей бабушке,
маминой маме, от папы подальше.

Мама бивала меня, что я дикая,
ленивая, молчаливая, не улыбаюсь,
я слушала из спальни, как часы тикали,
не выходила до вечера, не вставала, не умывалась.

Что эти люди хотели от меня такого,
когда поговорили, решили — и переименовали.
Добро бы ещё имя моё было плохое,
а то ведь из Лизы — в Аню.

Зачем они вдруг говорят: ты девочка, ты красавица, нет,
ты принцесса —
и наряжают в фижмы, стараясь, чтоб вышло пышно.
Что же они недовольны, что я влюбилась в немецкого
этого нарцисса?
Зачем выбирают мне мужа и спорят, точно я их не слышу?

Приводят бледного жалкого мальчика, тонкого, как тростинка,
я бы такого сама без труда уместила в жмене.
Я *нехочунелюблюнепойду*, но они нас женят
и целых два года гостят незванно: именины, обеды, крестины,

со мной говорят о делах, о бумагах, а мы-то — едва знакомы,
одна суета и скука и улыбаться надо...
Чего они, господи боже, хотят, когда выгоняют нас всех из дома,
новорождённую крошку мою в спешке роняют на пол,

ну хорошо, мы уехали, всё, нас нету.
Они увезли с собой моего пятилетнего сына,
разделили меня с любимой.
И кажется – так, для смеха,
пишут мне разные гадости в письмах буквами косыми.

Мы то и дело едем или дворами стоим чужими.
Мне даже радостно стало рожать каждый год – всё же дети.
Очень скучаю по старшему, Катя растёт глухая, но Лиза и Петя
здоровы, Алёша тоже толкается как двужильный.

Я пятые роды не вынесу, это без лекаря ясно.
Господи боже, храни моих деток.
Юлю мою не остави.
Весёлую, лёгкую, шустрюю Юлю мою – ей теперь белое с красным
ткать полотно и шить двадцать лет, будто швея простая.

Нам в нашей жизни хватило сполна и любви, и счастья.
Господи, слався.

* * *

Засыпаешь в тёплой ванне,
Словно плод в просторной маме,
Словно селезень в тумане,
В жёстких гладких камышах,
Слушаешь подводным ухом
Трубный гул, тугие звуки,
Засыпаешь кверху брюхом
Вроде куклы-голыша.

Победил Ламарка Дарвин.
Ты путём рудиментарным
Возвращаешься, май дарлинг,
На миллионы лет назад
К тем, слепым, рождённым ползать,
Тыкавшимся в дно без пользы,
Бившимся прибором оземь,
Неумеющим сказать.

Снова постигаешь муку
Кистепёро плыть по кругу
Сквозь упругие потуги
К земноводной немоте,
От холодного шипенья
Через сиплый свист сирений
К тошнотворным ощущениям,
Что слова не те. Не те.

Просыпаешься слезами,
Мёрзнешь, но не вылезаеть,
В детский возвратись экзамен,
Где, мрачнее, чем гроза,

Бабушка тащила санки,
Слёзы капали в овсянку,
Слёзы портили осанку,
Слёзы портили глаза,
Мелкой солью высыхали,
Обжигал кисель в стакане,
И рвало тебя стихами
От бессилия сказать.

* * *

там где под северным солнцем ребёнка отдав карусели
ляжешь на стёртой до твёрдого грунта плешивой траве
быстро привыкнешь к чужому и сладкому звону веселья
что и не слышишь его — только солнечный шум в голове

там где песок и соломинки камешки утки окурки
время недвижно неслышно никто никуда не идёт
медленно серая хаски плывёт мимо тающей булки
глупые люди негодная псина для средних широт

мир неподвижен огромен но виден в деталях инклюдах
в мелких подробностях разных жуков облаков и планет
ветер поэтому слышно о чём говорят эти люди
жаль невозможно проверить в раю ты уже или нет

* * *

последний страх врасплох застигнет
во сне — и дрожью пробудит
накинешь что-нибудь на спину
толкнёшь окошко — и застынешь
там снег
и жалко уходить

на подоконник оба локтя
и лбом к холодному приник
как глупо Господи из плоти
ведь только дух обременишь
по небу проплывает лодка
тебя по-прежнему колотит
но не ложишься
временишь

* * *

М. Б.

потому что кризис веры пережит
и никто его уже не бережёт
человечек переходит на режим
при котором каждый день наперечёт

и внезапно открываются глаза
на текущее по пальцам молоко
зло косится беспокойная коза
и подойник заполняется легко

и становится не страшно умирать
целиком до самых клеточек тугих

никаких ему не будет райских врат
вечных мук не будет тоже никаких

* * *

Ни о чём не думай, пиши во тьму,
Всё равно она всё поглотит.
Если будет страшно — дождись весну
И умри на её излёте:
Поглядишь на солнечную возню,
На салатный гомон бодрый.
Но зимы не бойся — тебя повезут
Хоронить при любой погоде.

* * *

когда-то лиличкина дача
за переездом в глубине
малиновый катался мячик
по перекопанной земле

и было холодно и тошно
за разговорами и без
и под дождём кричала кошка
чтоб ей открыли наконец

и ветер за неё мяукал
дверной приподнимая крюк
и страшно в дом пустить а ну как
запрыгнет спящему на грудь

* * *

Зима не спит. Зима ночами мокрыми
Прихватывает тающий подол
И говорит с качелью полумёртвою
На языке холодном и простом.

Неровный наст пытаются расчерчивать –
И путаются тени фонарей.
На невысокой звоннице доверчивой
Мелькают силуэты звонарей.

То дворничиха чёрная, дородная,
С коробкой и тележкой под неё,
То дети выйдут – дверь всё чаще хлопает.
И утро всё никак не настаёт.

* * *

А. О.

выйди в город там декабрь
дебаркадер и река
ломкий лёд покатый камень
улиц гнутые бока

за трамвайными звонками
перекрёсток дождь кабак
наклоняется над нами
неба пекарский колпак

ветер бешеный и стылый
не пугайся если вдруг
город — розовый обмылок —
выскользнет из мокрых рук

* * *

Рядом с глухо закрытыми кассами,
Где бетонной платформы провал
Горбылями заложен нечастыми,
Покрывающими едва,

Как приехал – так час пританцовывал,
По перилам сугробы сметал
И охапку мохнатых подсолнухов
В обмелевшем снегу натоптал.

И дежурную краску чешуйками
Отшелушивал с кассовых стен.
И зима проходила бесшумная.
И домой не хотелось. Совсем.

* * *

долго сумерки ложатся
и качаются впотьмах
деревянная лошадка
золотая бахрама

мы не старые живые
скоро станут холода
и метели кочевые
поведут свои стада

чтоб небесные овечки
в нашей осени паслись
и сухой пятиконечный
пережёвывали лист

а покуда ветер тонок
вечер долог голос тих
в тайных сумерках медовых
скоро нам не будет их

* * *

Не знаю, не знаю, наверное, это конец.
Ты столько прекрасных покинул и солнечных мест,
Ты столько уже простоял на безлесом холме,
Что это конец, повторяю тебе, то есть мне,

И время спускаться толпою, гурьбою, гуртом,
Пешком и вприпрыжку, и воздух выхватывать ртом,
Всей кучкой своих полусонных и толстых елен
Сползать, и вздыхать, и отряхивать землю с колен,

Вытряхивать мелкие камешки из башмаков,
Растрянно звякать оставшейся дюжиной слов,
Одно положить на язык, попытаться сказать,
Мол, солнце по-прежнему переполняет глаза,

Мол, небо в долине темнее, чем там, на холме,
Но это конец, повторяю тебе, то есть мне.
Ещё одно вынуть, лизнуть, положить под язык,
И золото выльется в горло и сдавит кадык.

* * *

где горячий и вонючий
разливается азов
где великий и могучий
откликается на зов

где как с папой как за ручку
всё с начала всё с азов
и не слушается ключик
и закрыто на засов

где хохочет свист разбойный
этот выверт речевой
где ты силишься припомнить
и не помнишь ничего

где кончается отвага
продолжается полёт
камень tristia бумага
перекрёсток поворот

Звук и август

* * *

Женщины,
Похожие на переломанных кукол,
Подолгу лежат на песке в неудобных позах,
Подставляя солнцу труднодоступные участки тела.
Небо
Образует высокий двуцветный купол
Над группой облаков, снизу тёмных и плоских,
Как поставленные на оргстекло детали одной модели.

Папа
Загорает стоя, запрокинув голову и раскинув руки,
Так, по его мнению, ультрафиолет достигает пазух носа,
Что предотвращает гайморит, насморк, размножение любых бактерий.
Рамка видеоискателя расположена вертикально, и этот угол
Обзора довершает ассоциацию с полотнами Босха
Или иных мастеров, писавших в его манере.

Цепь прописных истин, плывущих в мозгу, в быту именуется скукой.
Считаешь волну за волной, не сбиваясь на гребнях, после
Сорок шестой ощущаешь себя сидящим в партере.
На горизонте качается рыболовецкое судно,
В нём крабы, рапаны, бычки, зеленушки, ставриды, возле –
Дельфины, под ними – кораллы, впадины, гроты, мели.

Фауна края земли представлена однообразно и скудно:
Тяжёлые мухи, весёлые блохи, ленивые осы.
Стрекозы. Любому понятно на этом примере:
Вода
Плотнее, чем воздух, как учит естественная наука,
Холоднее, чем воздух, солонее, синее, чем воздух,
Наполнена жизнью, которая редко выходит на берег.

* * *

они сейчас подействуют уже
и ты уснёшь покоен и блажен
и ничего дурного не случится
среди закатов ласточек стрижей
и петушков на палочках и спицах

ещё пока акация щедра
и осыпает землю семенами
цикорий синий между валунами
и выжженные солнцем добела
настурции кивают головами

как много дашь ещё раз посмотреть
на то чего и нет уже в помине
там поднимались долгие ступени
гранитные невидные на треть
под бабочками жёлтыми сухими

то серые зелёные одни
то с бежевыми светлыми боками
там половинки ящериц мелькали
и замирали головою вниз
и крыльями как листьями шуршали

как часто было нечего сказать
но ты ложился закрывал глаза
и речь текла легко и безмятежно
каких-нибудь пятнадцать лет назад
на тех же лежаках матрасах тех же

где кипарисовый кончался строй
кончался день шелковицей густой
и стыло ежевичное варенье
пойдём домой теперь пойдём домой
успокоительное звукоповторенье

как трудны переходы в высоту
что там за точки тёмные внизу
что там за мир квадратами расчерчен
любой любой доверившийся сну
неуязвим недвижим и бессмертен

* * *

К четырём часам настаёт жара.
Застываешь, голову вверх задрав,
Изогнув позвоночный стержень.
Небо светится изнутри себя
Наподобье мутного фонаря.
Из асфальтовых чёрных трещин
Поднимается плотный зловонный жар.
Память делает первый нетвёрдый шаг
Обоняню навстречу.
Снова видишь, как от локтя к плечу,
Не имея сил предложить ничью,
Еле движется ложный шершень;
Под разошедшимся яблоневым дичком
Вдоль оврага собака лежит ничком,
И всё жарче, и запах резче.
Над костром на палке висит ведро,
И его гудроновое нутро
Закипает и трудно дышит.
Подаёшь рогаткой ведро наверх
И, на вдохе лестницу одолев,
Заливаешь гудроном крышу.
А обратно — страшно, что по смоле,
И на женский глубокий горячий след
Наступаешь своим, поменьше.

А потом проходит полтыщи лет,
Застываешь, солнечный чуя свет,
Словно пойманный ловкой вершей,
Объясняешь путано сам себе,
Что ни дома, ни женщины больше нет,
А всего лишь асфальт потекший.

Pieris brassicae

Две недели переждать – и тебя отпустит,
Две недели пережить – и пройдёт само,
Это давняя война за ряды капусты
Человека с червяком, гусеничкой злой.

Не писать, не говорить, не читать, не думать,
Если память не кормить – тут неглубоко.
Две недели – пустяки, и – как ветром сдует,
И отшутится цветной лёгкой шелухой.

Так ведёшь свою войну скорлупой яичной,
Пестицидами, золой, мыльным порошком,
Но капустница летит из дырявых листьев
Бледным символом любви, маленьким божком.

* * *

дома тепло в вологде холодно
я не поеду
мало ли где взлётные полосы
лёгкое небо

от спиртовой яростной крепости
рябь и помехи
мало ли кто делает глупости
что ж теперь ехать

надо же как тают кораблики
в реках апрельских
не торопись шаг приравливать
к ветреной речи

мало ль клялись нежностью хрупкостью
именем милым
надо же как веточка хрустнула
переломилась

* * *

туда во тьме ночными городами
и надо же совсем не так назад
заснеженные полости под нами
а серое наверное леса

разглядывали родину в окошко
куда её по космосу несёт
вот складчатая у предгорий кожа
и вены рек и родинки озёр

то в облаке сияющем утонет
то подставляет солнцу пояса
восточноевропейские ладони
и западносибирские глаза

* * *

в тысячный раз напиши апрель
смешанный лес голубое небо
рваная трасса до новосиба
зил бензовоз жигули газель

рано весна и теперь ясней
волны саян в синеве тумана
в городе надо же вскрылась мана
лёгкие льдины большой енисей

несколько дней понебыть никем
угол урицкого перенсона
солнце садится конец сезона
катится светится каа-хем

* * *

так странно первый раз за много лет
такая ночь что слышно электричку
ни человеческих голосов ни птичьих
а только звук и август на земле

ни запаха ни лета ни луча
всё тянутся товарные наверно
ни облака ни сна ни дуновения
а только звук и август по ночам

* * *

пока ни слова не случилось
пока ни шагу не ступить
как будто разом разучились
дышать ходить и говорить

как это просто оказалось
не задохнуться не пропасть
когда ты снилась и сбывалась
потом приснилась и сбылась

* * *

покуда долгий волоколамск
закат и луны половина
уже уселась и улеглась
wi-fi и хлебá преломила

уже забыла как выходить
слова находить какие
глаза откроешь кого спросить
какой язык чтоб не киев

иди со мной говори со мной
любым пустяком дорожным
теплом случайным едой водой
пребудь со мной если можно

Большая вода

1. Užupis

Где архангел с трубой над тобой, надо мной и водой,
Мы стоим, прижимаясь, смеясь, дожидаясь погоды,
Под зонтом, под мостом, под деревьями, радугой и под водой,
Рассыпается город
На куски штукатурки и кладки, на арки, балконы, дворы,
Черепицу, брусчатку, дурацкие наши стоп-кадры.
На задворках Европы мы, выбывшие из игры,
Попросились обратно.

2. Delft

На языке чужом и осторожном,
На заржавевшем, но ещё живом
Переводи дословно и посложно,
Руками и немножко словарём,

Как вязнет мысль и тащится шарманка,
И дождь стоит, и облака стоят,
И в сердце ночи тьякает собака,
И филин ухает, и люди спят,

Как бьют часы на кирхе деревенской,
И жизнь сама случается с тобой,
Как собирает утреннюю мессу
Воскресный ломкий колокол глухой.

Ты ничего такого не хотела,
Но сказочный и сумрачный сюжет
Сам пишется, и на рассветно-белом
Лежит густой по-делфтски синий след.

Теперь ищи в глухонемом бессилии
Сонорных, твёрдых, звонких, горловых
Каких-нибудь — для кроликов и лилий,
Ручных дроздов и тёмных мостовых.

Чтоб глиняную клетчатую гладкую
Прохладную, шуршащую фольгой
Голландию, как плитку шоколада,
Носить с собой.

3. Holland

На такой высоте уже не разобрать —
Острова, облака.
Неожиданно нечего больше сказать:
Всё. Пока.

Над Голландией перистые наверху,
Кучевые внизу.
И какие-то домики на берегу
И заплатки в лесу.

И полоски воды, и большая вода,
Кружева эстакад.
Мы теперь ненадолго уже навсегда.
Скоро буду назад.

4. Helsingør

Где Дания тюрьма, где Англия могила,
Где свет на разноцветные дома
Ложится косо и в воде залива
Густеет и ворочается тьма,

Где улица, кренясь, сама бежит к обрыву
По розовым и мальвовым лесам
И сходит равнодушное светило
С ума и покидает небеса,

Где не было уже ни памяти, ни тайны,
Ни ясных просьб, ни берега, ни дна,
Где лёгкие слова неслись в тумане
И снова наступала тишина,

Где, ощупью найдясь, послушны странным силам,
Недалеко отсюда по прямой,
Где я хотела лишь, чтоб ты меня любила
И отводила за руку домой.

5. Rouen

выходи и смотри это будет большой вокзал
монпарнас или эст или норд или сан-лазар
разевая рот поправляя шарф тяжело дыша
дорогая рождественский сине-зелёный шар
под ногами в руках для тебя но пора решать
мы же взрослые люди мы сделаем первый шаг

от ребра до ребра от грудины до позвонков
до костлявых объятий готических городков

от фаланги к фаланге опять от ребра к ребру
рассыпаются листья и волосы на ветру
нам руана полупрозрачного – за глаза
и едва ли теперь отыщется путь назад

6. Eesti

все эти невозможные пейзажи
исправно доводящие до слёз
некрасовские нивы или даже
есенинские прорези берёз

потерянные ёлочки в тумане
на бывшей пашне собранном жнивье
катушки сена в чёрном целлофане
на влажной и ржавеющей стерне

нет не похожа вовсе отличима
по высоте и кривизне стволов
по вытрепанным гнёздам аистиным
и бирюзе обочин и дворов

по остроте сентябрьского сиротства
приморским неподвижным облакам
случайное надуманное сходство
с большой страной внутри материка

озноб тревожный морок узнавания
спросонья где попутчика спроси
продлись продлись продлись очарованье
и никогда меня не довози

теперь уже не выбиться из ритма
не написать другого ничего
вот с пряничных холмов и валов видно
как пирита кисель и молоко

несёт к воде солёной и холодной
и на певучем голубом песке
миррэлия колыхается как воздух
молчит на незнакомом языке
в блаженной неге золотой тоске

7. Eestima

пустой и голой
с картонным полем облезлым лесом апрельским небом
с тощими весенними коровами rakvere
с белёсым озёрным льдом võgu
бесцветной трогательной прозрачной
я люблю тебя даже больше

ничего невозможно делать в пути
ни читать ни вязать ни играть в слова
только любоваться тобой
от умиления плакать
жалеть что на обратном пути
будет темно
ничего не видно

8. Luhamaa

что теперь за окном
лаванда горошек картошка
герань колокольчики клевер
сиреневое а потом
салатовое а потом
зелёное и голубое
огромное кучевое
отчаявшееся на север
пристёгнутое дождём

* * *

Оле и Диме

ещё и закат в довершении радостей дня
короткая выдержка чёрные контуры веток
так странно спокойно как будто бы это не я
не сплю не устала не злая не к морю не еду

нежданно-незванно вернулось в конце сентября
эстонское счастье упрямое позднее лето
рассеянный свет и закат и отсутствие света
и все фонари городские и улица вся

как будто и впрямь приглашают и рады гостям
молчат говорят обнимают отводят к камину
и хлеба приносят и супа несут половину
и жизни несут половину
и платы твоей не хотят

* * *

как с именем во рту вела рукой по стенам
как ласточки металась и стрижи
вжималась в кладку белую хотела
очередную тучу пережить

как с именем во рту заглядывала в арки
проулки во дворы в большой собор
как я тебе отсутствовавшей балки
кариатиды демонов забор

и камешки и плющ и флюгеры и небо
показывала раз уж говорить
мне было не с кем и решалась хлеба
и пива да и город повторить

как с именем твоим потом несла открытку
в почтовый ящик а потом-потом
мы шли вдвоём к рождественскому рынку
ещё не веря но уже вдвоём

* * *

Сосен было много. Много.
Переездов было мало.
Шёл домой бычок безрогий.
Тихо музыка играла.

Переездов было девять.
Ты спешила и ругалась.
Надвигался понедельник,
И запомнить оставалось

Только вялые фиалки,
Боли согнутых коленей
И натянутый свивальник
Пассажирского сиденья.

* * *

только то как падает свет на цвет
и важнее в помине нет
только то как движется силуэт
попадая в знакомый след

только то как падает эта прядь
на глаза и опять опять
как бессонный месяц уходит спать
или плакать или плясать

как ложится тень твоего плеча
накрывая полгода дней
первый снег летит и вокруг молчат
все бессмысленней и длинней

оседает март воробьиный свет
рассыпается твой ответ
и уже никто нам не скажет нет
потому что мы сами свет

Тё-Тё-сан. Женские партии

1. Сузуки

местные боги ленивые боги
древние боги ревнивые боги
как он уехал ни дня не проходит
чтобы без слёз а уже три года

денег у нас на мешок гороха
был ей жених обивал пороги
выгнала мол не хочу другого
плачет и плачет и так три года

сядет в своём иноземном кресле
перед окошком сидит ни с места
море драконюю кожу морщит
жалко её а помочь не можешь

старые боги глухие боги
толстые боги дремотные боги
новый-то бог у неё помоложе
но далеко и не слышит тоже

да и молюсь я тайком ночами
если застучает то серчает
как же ты смеешь ведь он обещал мне
толку никто ещё не возвращался

2. Тё-Тё-сан

ты вернёшься на рассвете
солнце будет петь над морем
я замечу твой корабль
раньше пушек и собак

ты вернёшься в птичье время
ждёт тебя малыш прекрасный
синеглазый и кудрявый
и послушный и смешной

ты вернёшься потому что
ты сказал что ты вернёшься
что малиновки в ту пору
соберутся гнёзда вить

но уже три раза вили
здесь у нас — три раза вили
может за бескрайним морем
реже вёсны
меньше птиц

3. Миссис Пинкертон

О, дорогая, не нужно слёз!
Там точно так же восходит солнце.
Я очень рада, что муж привёз
Меня за собой.
Да, его отцовство

Большой сюрприз для нас, видит Бог,
Но мы готовы забрать ребёнка.

От слёз бывает переполох,
А после страшная головоломка.

Нет, не то.

Тише, не надо, не плачь, молчи.
(Господи, как в этом доме душно.)
Слушай, ну мы же не палачи.
Муж полагает, так будет лучше.

Там из таких же морских глубин
Небо возносится голубое.
Я обещаю его любить.
Я обещаю любить обоих.

4

Пока апрельская река
Захватывает город,
Ты держишь край воротника,
Оберегая горло.

Из чёрных сумерек сырых
Плывёшь в тепло цветное,
И звонкий итальянский стих
Сентиментальней вдвое.

Глухой подлёдный зимний сон
Залечиваешь сказкой,
Где безголосый Пинкертон
И Баттерфляй прекрасна.

Говорят хором

* * *

он звонит и смеётся в трубку
ничего толком не может сказать
но сквозь смятение и смех
мы говорим: U angelov v tri?
Da, da, u angelov v tri.
а потом говорит: Ja budu idti po gorodu
i gde-nibud vas vstrechu,
poidem nemnojko pohodim,
vse-taki tri pokolenija moih predkov
jili v Tartu,
ja ego nemnojko znaju.
A potom poobedaem u francuzov,
eto znakomyj povar,
pravda, on uehal, no tam vse eshche vkusno.
в три часа у ангелов очень страшно стоять
в красном пальто жёлтых кедах
с бутылкой массандры малиновым шариком и ребёнком
на ангельском мосту меня запомни
меня несут какие-то там кони
он приходит и говорит: Vy samoletom?
U vas bolshoj bagaj?
Ja prines dla vashego syna knjiku ob Estonii,
ee napisala moja jena. Eto 4etvertaja.
Vasilki eto nash simvol.
I lastochki eto nash simvol.
Mojno mne vas obnjat?
Ja ostorojno.
мы обедаем у француза
Ochki zabyL, zabyL, vot starik,
nu starik, oh, kak ja sebja rugaju,

nu starik, starik, prinesite supu.
Vyshla kniga moih stihov i perevodov.
и читает два стиха Сафо
по-гречески и по-русски
вынимает двойной тетрадный листок
злую политическую анонимку
начатую советом стихов не писать
говорит: Ja ne sovsem jasno ponimaju
rukopisnij text.
Ja ne do konza razobral slova,
а ву?
я говорю может быть это и к лучшему
не огорчайтесь забудьте
он говорит: Ja stolko vsego poluchal,
kogda slujil v parlamente.
S menja teper vse stekaet kak voda.
Mojet byt, avtor byl pjan?
я киваю
Terjaetsa logika, da?
я молчу
имперская логика пьяного завоевателя сильна
он говорит: Moj russkij nachalsa s Lermontova.
S Vozdushnogo korablja.
мы с трудом вспоминаем
три строфы на двоих
и смеёмся

* * *

Нина Михайловна в апреле
Нина Алексеевна в апреле
Андрюша Новиков в апреле
Игорь Меламед в апреле
Ольга Серафимовна на Чистый
бабушка на Родительскую
дедушка в апреле
весной всё расцветает
земля оживает

* * *

Таня З. читает и переводит на всех европейских языках
Аня Г. делает букеты
Яна Ш. вяжет и шьёт смешные шапки со зверями
Юля З. наращивает ресницы
Маша Б. делает 3D-модели рисует реставрирует дизайнер
Ира Б. архитектор
Катя Б. отлично снимает даже младенцев и свадьбы
Аня Е. стоматолог
Соня Р. наращивает ногти арт акрил шеллак
Рита И. делает эпиляцию – воск сахар
Лена П. психотерапевт
Настя Е. пишет иконы и любит скрапбукинг
Юля А. актриса
я
любую проблему
свожу к страху смерти
и отсутствию смысла

Ты действительно именно так и задумывал?

* * *

Глазки-глазки, где вы были раньше?
Раньше мы рисовали реснички.
Глазки-глазки, куда вы смотрели?
Мы смотрели, как ложится загар в солярии.
Глазки-глазки, давно ли вы плакали?
Давно, дорогая: нам запретил косметолог.
Речки-речки, куда вы бежите?
Туда, далеко, в межключичную впадину.
Детка-детка, о чём ты только думала.
Я ли не говорила тебе, я ли не предупреждала.
Я ли не берегла тебя, я ли не охраняла.
Гуси-гусыньки, летите, не возвращайтесь.
Девочка моя золотая.
Девочка моя золотая.

* * *

Кофе растёт во Львове,
Пальмы растут во Львове,
Виноградники растут во Львове,
Черешни растут во Львове,
Омела растёт во Львове,
Каннабис растёт во Львове.
– Это было модно, – говорит Марина.
– Ууууу, – говорит Лёша.
На улице Свободы есть детский обувной «Топ-Топ».
У кривой липы дождь становится снегом.
И тогда ты сошёл с ума?
И тогда – и тогда.

* * *

Говорит.

И показывает.

Говорит, мне было лет семь,
было 23 февраля, я решил сделать папе подарок.

Слепить солдатика.

Слепил, стыдоба дарить воина воину –
смял обратно.

Говорит, я, может, раз в год доезжаю до Львова.

Я люблю по нему
молча медленно ходить,
сама с собой.

И действительно ходит,
молча и медленно,
но со мной.

Говорю, мне было 16, я увидела тут в опере контемпорари данс,
оба отделения плакала. Потом искала солистку, так и не нашла.

Говорит, она моя кума. Я передам.

Говорит, в школе мы мазали батареи звёздочкой –
слёзы из глаз и никаких контрольных.

Говорит, а ещё, когда время есть,
я люблю постоять у Фёдорова и всё порассматривать.

Говорит, я приходил, сидел и читал. Потом приходили люди,
снимали меня, со свечами, с черепом, ну детский сад.

Говорит, я приехала – так, Лена, я люблю тебя.

Говорит, я знаю: она моя невестка.

Говорит, буки и дубы говорят хором.

Можно выделить чей-то голос, но незачем.

Говорят хором.

Можно выделить.

Но зачем.

* * *

при любых обстоятельствах сразу пиши во Львов
я хорошая все дураки дураки скажи
и оттуда волна прикатится тёплых слов
ты хорошая все каэспешники и ханжи
все обижены ранены уязвлены забудь
это сложные люди оставь приезжай гулять
там весна там цветёт там поёт там копытец дробь
это бой самолюбий нашла о чём горевать
набери полны щёки и через сито сплунь
к нам приедет Никита и детский смех привезёт
мы дадим тебе конфет чаю с сухарями
мы не спросим кто ел из нашей чашки
будем долго закинем за плечи и пойдём
за высокие горы в торбине вязаной унесём

* * *

Наконец Катя спрашивает:
ты пойдёшь со мной в кино?
Я говорю: да, пойду!
А потом говорю: да ты что, оно страшное.
И Ян пишет: как ты там?
Я вернулся, и у меня весна.
И Лена просит указать страницу к цитате.
И Алёша
присылает подстрочник.
И Серёжа тихонько:
я полностью доверяю и нисколько не тороплю, но...
И Оля утешает, мол, всё хорошо,
из дома сегодня не выходила вовсе.
И Дима тревожится,
повторить ли письмо
из Харькова
из Киева.
Я говорю: повтори,
я бесстрашная.
И распавшаяся было жизнь
налаживается.

Терапевт

1

Они приходят теперь,
приносят с собой своих жён, детей, друзей,
свою боль, любовь, пустоту,
поклонников, молодость, нищету,
покойников.

Я говорю: это что?

Они говорят: моя жизнь.

Я говорю: что мне делать с ней?

Они говорят: любить.

Я говорю, вы, простите, руку и сердце мне предлагаете?

Они говорят: нет.

Я кричу, что, чёрт подери, происходит.

Первым встаёт хор мужских голосов и прекрасно поёт о Слове,
Деле и Поправке на Божественный Ветер.

Говорит, я вообще не понял, к чему тогда столько пафоса.

Вторым встаёт женский хор, говорит: Леночка, очень больно?

Я говорю: очень.

Говорю, у меня голова, радикулит и синдром застёжки.

Говорю, мне тяжело и мне непосильно.

Говорю, я их видеть уже не могу, закрываю глаза, засыпаю.

Говорю, и я тоже не знаю, к чему было столько пафоса.

Убери, говорю, волхвов своих страшных.

Терапевт говорит: да ну, ты чего. Стольких уже приняла —
и вдруг непосильно.

Гомофобов приняла и путинцев,
борцов с Украиной приняла и ортодоксов,
насильников приняла и педофилов,
несовершеннолетних убийц приняла и фашистов,
жестоких сыновей приняла и жестоких матерей.

Да ну, маленькая моя, не может быть,
чтобы ты сломалась на неверных мужьях.
Говорю, я любить их не могу, у меня всё болит.
Я изгнать их не могу, у меня всё болит.
Ничего больше не могу, твою мать, да когда оно заживёт.
Терапевт говорит: колобок-колобок, сострадай сколько сможешь,
а как кончатся силы — не сострадай.
Если что, ты ведь помнишь, да, что я рядом?
Бог редактирует текст.
Говорит: я рядом.

2

К несчастью, мой сын всё ещё считает,
что несёт ответственность за эмоциональный фон своей матери.
Я опровергаю его тысячи раз,
но он видит, что мне плохо.
Поэтому он говорит: давай я не пойду в школу и мы ходим
в аквапарк.
Я не то что в аквапарк, я толком встать не могу. Но я говорю: давай.
Первым делом вхожу к кружевным тортилам в гидромассажную
их кастрюлю.
И течение меня сносит. Но я жду, пока вся растворюсь и растаю.
Часа через два я ложусь на камни хамама. Приходит мой сын.
Сидит. Встаёт. Говорит: я пошёл.
Говорю, лягушонок, уверен, что тебе тепло?
Он говорит, да, я пошёл.
Рядом маленькая девочка с большим бородатым папой,
в тумане их почти не видно, она кричит:
папа, папа, у меня горячая попа, горячие ноги, горячие руки —
взлёт рук —
горячее сердце, ну можно я уже пойду!
Борода говорит: посиди.

Точно так я разговариваю с богом.
Он говорит: посиди.
Потому что девочки просят благословения.
А мальчики говорят: ладно, я пошёл.
Мне смешно, я смеюсь, борода тоже смеётся, девчонка пугается.
Романтическая половина хамама неодобрительно на нас глядит.

там где не мячик где она не плачет
качается на выгоревшем круге
где мамина высокая подача
и папина подача — прямо в руки

3

через тысячу лет я говорю
расскажи мне пожалуйста
что в прошлый раз пошло не так
я за тысячу лет не поняла
я не верю что это и был лучший вариант
я всё время ищу ошибку и я не вижу
и он говорит если сможешь —
то просто не бойся
раньше я знал как надо
теперь не знаю
но если не прёшь как танк
движешься более адекватно
я говорю был кромешный ужас
он говорит было столько счастья словами не описать
я говорю я была уверена что не выживу
реки крови говорю горы трупов до сих пор жутко
он говорит не вводи меня в подробности наговорю ерунды

больше всего я хотела чтоб кто-то вынул меня
достал меня оттуда и спас

больше всего я хотела вообще перестать быть
это решило бы сразу же все проблемы
больше всего я хотела позволить страху
перенести меня в безопасное место

где ты их только берёшь говорит терапевт
этих хлыщей я не знаю кричит терапевт

я говорю папа а можно ты спустишь всех с лестницы
потому что дадададада мне огромно и страшно
он говорит ну конечно мой ангел хоть сотнями
можешь потом передумать ещё десять раз

4

ты слишком сильно хочешь говорит
и слишком страстно просишь говорит
уймись не обольщайся говорит
самой же в ослеплении твоём
поди и страшно

но я же слышу что земля гудит
и купол переполненный гудит
и воздух зачарованный гудит
и звоном заполняются тела
конечно страшно

а ты сама
поди и погляди
или глаза
закрой и не гляди
когда волна казалась высока
не прыгали ложились под неё

она легко катилась через нас
почти на тронув

ну разве оцарапает о дно
о гущу водорослей и медуз
и новая волна не навредит
но точно так же спутает сметёт
выталкивает к берегу и вновь
с собой потащит

он говорит глаза не закрывай
и говорит как следует держи
и говорит дыши дыши дыши
по всяким я не знаю пустякам
ну вот и ладно

5

он говорит хорошо ну давай поглядим
как формируешь доверие да расскажи
я говорю я попробую вот смотри
я доверяю красивым больше чем страшным
чадолюбивым больше чем тем кому страшно
талантливым больше чем диким
с опытом терапии больше чем без
тем кто как правило трезв
мужчинам больше чем женщинам
если за пять минут не явили мне фанатизма
верующим больше чем атеистам
он говорит дорогая моя проективная девочка
я поздравляю тебя молодец
ты доверяешь себе
это прелесть и только

ты прекрасна и ты это ты
а больше никто не ты
не странно что разочарована но не грусти
повторяй днём и ночью
гордынюшка
матушка
попусти

6

окей-окей-окей я поняла
я знаю для чего ты их прислал
чтоб мне не показалось будто я
хоть сколько-нибудь ближе чем они
хоть сколько-нибудь дальше на пути
мне очень больно это отдавать
но всё что есть во мне не от тебя
пожалуйста пожалуйста развей

* * *

девочки считают ты разведёшься
желают тебе всякого счастья
болеют за тебя
голосуют за тебя

мальчики считают что нет
считают тебе слабо
считают а ну и ладно
желают всякого счастья

я попросила
встаньте вокруг стеной
побудьте со мной
приехали
Ваня из Красноярска
Оля из Лёвена
Дима из Таллина
Володя из Казани
Аня из Донецка
Таня из Днепра
другой Дима из прошлого
и Серёжа из прошлого
бывший муж из отпуска
Катя из отпуска
Саша с моря
мама с дачи
папа с другой дачи
Игорь с Пресни
Люба с учёбы
встали живой стеной

и были со мной
поменяли мне лампочку в фаре
сварили кофе на кокосовом молоке
прислали фотографию сырного отдела из гастронома
дескать выбирай какой
привезли шоколада и чёрную юбку в пол
и много много цветов
дали спокойно поплакать
составили астрокарту
отвели в театр
отвезли в Тарусу
отвезли в Александров

ни слова не говорили
просто стояли и были
хором меня любили
меня никогда ещё так не любили

даже жаль что всего полгода
лето твоего развода
кое-как пережили
девочки победили

Содержание

камень tristia бумага

«потому что июнь и положено есть абрикосы...»	5
«какой волшебной жизнью жили...»	6
«баловала нянчила на руках...»	7
«Вот снег ложится вдоль стволов...»	8
«Усни теперь, покуда не болит...»	9
«Вот мы ложимся спать как пара чайных ложек...»	10
«не спи не спи дружок...»	11
«Даже глаз не откроешь, проснувшись...»	12
«Дожить до осени. Дожить до снега...»	13
«то следишь за кочующим паром...»	14
«как хорошо что всех вас больше нет...»	15
«и жизнь пойдёт теперь не о тебе...»	16
«так стало быть ещё покружим...»	17
Анна	18
«Засыпаешь в тёплой ванне...»	20
«там где под северным солнцем...»	22
«последний страх врасплох застигнет...»	23
«потому что кризис веры пережит...»	24
«Ни о чём не думай, пиши во тьму...»	24
«когда-то лиличкина дача...»	26
«Зима не спит. Зима ночами мокрыми...»	27
«выйди в город там декабрь...»	28
«Рядом с глухо закрытыми кассами...»	29
«долго сумерки ложатся...»	30
«Не знаю, не знаю, наверно, это конец...»	31
«где горячий и вонючий...»	32

Звук и август

«Женщины...»	35
«они сейчас подействуют уже...»	36
«К четырём часам настанёт жара...»	38

Pieris brassicae	39
«дома тепло в вологде холодно...»	40
«туда во тьме ночными городами...»	41
«в тысячный раз напиши апрель...»	42
«так странно первый раз за много лет...»	43
«пока ни слова не случилось...»	44
«покуда долгий волоколамск...»	45
Большая вода	46
«ещё и закат в довершении радостей дня...»	52
«как с именем во рту вела рукой по стенам...»	53
«Сосен было много. Много...»	54
«только то как падает свет на цвет...»	55
Тё-Тё-сан. Женские партии	56

Говорят хором

«он звонит и смеётся в трубку...»	61
«Нина Михайловна в апреле...»	63
«Таня З. читает и переводит...»	64
«Глазки-глазки, где вы были раньше?..»	65
«Кофе растёт во Львове...»	66
«Говорит...»	67
«при любых обстоятельствах сразу пиши во Львов...»	68
«наконец Катя спрашивает...»	69
Терапевт	70
«девочки считают ты разведёшься...»	76

Елена Пестерева. В мелких подробностях

возрастная категория 16+

редактор:
Александр Переверзин

дизайн:
Антон Чёрный

корректор, технический редактор:
Ольга Тузова

издательство «Воймега»
voymega@yandex.ru
alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 19.08.2018.
Формат издания 60х90/16. Усл. печ. л. 5.
Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-6040915-6-2

9 785604 091562

Метеорология и география – шаблон, на котором Елена Пестерева выкладывает мозаику деталей повседневного быта, дневного цикла существования, флоры и фауны, привычной суеты и рутины. Нередко из этих мелочей у неё выстраиваются не пейзажи и интерьеры с фигурами, а монументальные панорамы времени и пространства с человеческой жизнью, обозримой от рождения до смерти.

Алексей Цветков

ISBN 978-5-6040915-6-2

9 785604 091562